

РЕЦЕНЗИИ

Культурные итоги молодежной революции

В. Н. Барышников, В. Н. Борисенко, О. Ю. Пленков

Для цитирования: *Барышников В. Н., Борисенко В. Н., Пленков О. Ю.* Культурные итоги молодежной революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 1012–1026. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.318>

В рецензии на книгу профессора Королевского колледжа в Лондоне Р. Вайнена «Долгий '68: Радикальный протест и его враги» анализируется вклад, который автор внес в изучение проблем социальных выступлений на Западе в 1968 г. и их дальнейших последствий. В монографии вполне справедливо указывается, что происходившее можно уподобить мировой революции — наподобие европейской революции 1848 г. Автор не скрывает своих симпатий и антипатий, занимая совершенно ясную политическую

Владимир Николаевич Барышников — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7–9; v.baryshnikov@spbu.ru

Vladimir N. Baryshnikov — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; v.baryshnikov@spbu.ru

Виктор Николаевич Борисенко — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7–9; v.borisenko@spbu.ru

Victor N. Borisenko — PhD (History), Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; v.borisenko@spbu.ru

Олег Юрьевич Пленков — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7–9; o.plenkov@spbu.ru

Oleg Yu. Plenkov — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; o.plenkov@spbu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383 «Контрреволюции: Феномен контрреволюции в истории: сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе Нового и Новейшего времени».

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project № 19-09-00383 “The phenomenon of counter-revolution in history: a comparative analysis of post-revolutionary practice in Europe in Modern and contemporary history”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

позицию, хотя иные его оценки и акценты (в частности, произвольное исключение из анализа Италии и Японии, в которых 1968 г. протекал особенно бурно) могут вызвать возражения. Кроме того, автор хорошо представлял, что молодежь «68-го» считала, что в бедах стран третьего мира виноват Запад, поэтому развивающиеся страны, во-первых, нужно «оставить в покое», предоставив полную свободу выбирать, а во-вторых, им нужно дать средства для развития экономики. Однако данные моменты также не были освещены в монографии. Тем не менее за пятьдесят лет, прошедших с 1968 г. (монография на английском языке была опубликована в 2018 г.), всякого рода реминисценции участников «революции» и сторонних наблюдателей по поводу «68-го» приобрели необозримые масштабы, поэтому учесть их все довольно сложно, если не сказать невозможно. Разумеется, читатель может разделять или не разделять изложенную в исследовании английского профессора концепцию, но в любом случае она представляет интерес. Также некоторые коррективы возможны в перспективах «долгого» 1968-го у Вайнена: представляется, что эти перспективы могут быть распространены на положение и индоктринацию новых правых как в США, так и в других странах. Но в целом Ричард Вайнен прав в том, что 1968 г. стал оселком острейшей идеологической борьбы, давшей многим в мире образцы для подражания и вдохновения.

Ключевые слова: «революция» 1968 г., «новые левые», движение за гражданские права, протесты против войны во Вьетнаме, студенческое движение, молодежная субкультура, сексуальная революция и ее последствия, американизация Европы.

Cultural Results of the Youth Revolution

V. N. Baryshnikov, V. N. Borisenko, O. Yu. Plenkov

For citation: Baryshnikov V. N., Borisenko V. N., Plenkov O. Yu. Cultural Results of the Youth Revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 3, pp. 1012–1026. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.318> (In Russian)

The review of the book “The Long ‘68: Radical Protest and its Enemies” by R. Vainen analyzes the contribution made by the author to the study of the problems of social disturbances in the West in 1968 and their further consequences. R. Vainen rightly points out that what happened can be likened to a world revolution — similarly to the revolution of 1848 in Europe. The author also does not hide his sympathies and dislikes, taking a very clear political position, although some of his assessments and emphasis (in particular, the arbitrary exclusion of Italy and Japan from the analysis) may cause objections. In addition, the author was well aware that the youth of “68” believed that the West was to blame for the troubles of the third world countries. This meant that developing countries should, first, “be left alone” with complete freedom of choice, and, secondly, they should be given means for economic development. Of course, the reader may not share the concept presented in the study of the English professor, but in any case it is of interest. Also, Vainen’s analysis of the prospects of the “long” 1968 might be corrected: it seems that these prospects can be extended to the position and indoctrination of the “new right” both in the United States and in other countries. But in general, Richard Vainen is right regarding 1968 as the touchstone of the most acute ideological struggle, which provided the world with new role models and inspiration.

Keywords: “revolution” of 1968, “new left”, civil rights movement, protests against the Vietnam War, student movement, youth subculture, sexual revolution and its consequences, the Americanization of Europe.

В 2018 г. к пятидесятой годовщине начала мощных социальных протестов и выступлений, которые прокатились по странам Запада, в Великобритании была опубликована монография профессора лондонского Королевского колледжа Ричарда Вайнена¹. Затем она вышла в США, а спустя два года после первого своего издания была опубликована в России². Монография привлекла пристальное внимание общественности³. В аннотации к русскому изданию указывается, что данная книга — «первая попытка рассмотреть в транснациональной перспективе всю совокупность протестных движений и восстаний, разворачивавшихся в благополучных индустриальных странах — Соединенных Штатах Америки, Франции, Великобритании и Западной Германии»⁴.

Действительно, в монографии Р. Вайнена рассматриваются весьма сложные и порой противоречивые процессы, связанные с событиями радикального протеста, который наблюдался по всему западному миру в 1960–1970-х гг. Как пишет автор, эта книга посвящена 1968 г., под которым он понимает «всю совокупность радикальных движений и восстаний конца 1960-х — начала 1970-х, а не просто события одного конкретного года»⁵. Кроме того, Вайнен, по его собственному признанию, активно использует сравнительный подход и, как он сам отмечает, «обобщает исследования, предпринятые другими людьми»⁶. Отдельное место отведено специфическому сочетанию элементов политического насилия и соглашения, которое хорошо просматривалось в рассматриваемый период, бывший временем радикальных требований и несбывшихся надежд.

По охвату, накалу, а также последствиям происшедшего автор все это квалифицировал как явное проявление «революции». Это, очевидно, являлось исходным положением, которое он и пытался особо акцентировать в работе. Действительно, начавшиеся тогда процессы в чем-то напоминали выступления, направленные на революционные изменения в западном обществе. Однако концептуально само понятие «революция» здесь все же следует поставить в кавычки. И не потому, что мы относимся с иронией к тому, что тогда происходило, и к людям, участвовавшим в движении, а потому, что произошедшее не принесло никаких политических или структурных перемен в западной цивилизации, но зато серьезно повлияло на характер моральных изменений в обществе. В этом отношении Иммануил Кант некогда точно заметил, что по-настоящему человек может измениться, только изменившись морально. Именно такого рода перемены, очевидно, и принес 1968 г. О масштабах перемен их наблюдатель, известный журналист Петер Шолл-Латур, в своих мемуарах писал, что для среднего европейца после двух мировых войн важнейшим событием XX в. был май 1968-го⁷. И это мнение полностью совпадало с опросом института общественного мнения спустя двадцать лет после тех событий. Профессор Вайнен, цитируя французского историка Доминика Джулиа, отметил, что «студенческое восстание, которое началось в Нантере 22 марта 1968 г.,

¹ *Vinen R. The Long '68. Radical Protest and Its Enemies. London, 2018.*

² *Вайнен Р. Долгий '68: Радикальный протест и его враги. М., 2020.*

³ См.: URL: https://www.amazon.com/Long-68-Radical-Protest-Enemies/dp/0241343429/detailBullets_feature_div (дата обращения: 31.03.2021).

⁴ URL: <https://www.chitai-gorod.ru/catalog/book/1226974/> (дата обращения: 31.03.2021).

⁵ *Вайнен Р. Долгий '68. С. 9.*

⁶ Там же. С. 11.

⁷ *Scholl-Latour P. Mein Leben. München, 2015. S. 413.*

завершилось для Франции самым тяжелым политическим кризисом с 1871-го, а возможно, и с 1848 г. Он был принесен не парой темных тучек на спокойном горизонте, а настоящим разрушительным циклоном, которого не предвидел ни один метеоролог»⁸. Таким образом, можно заключить, что проблема, рассматриваемая в монографии, действительно требует пристального внимания и научной оценки.

Структура исследования достаточно хорошо продумана. Монография состоит из одиннадцати глав, часть которых посвящена проблемным вопросам, а часть — специфике 1968 г. в отдельных странах. При этом, учитывая, что региональный аспект анализа для профессора Вайнена во многом является определяющим, на этом стоит остановиться более подробно.

Автор исследования справедливо уделяет основное внимание ситуации «68-го» в ведущих странах Запада. Однако кажется неправомерным, что из его поля зрения выпали целые блоки важных во всех отношениях событий, связанных с рядом государств, где начавшиеся выступления молодежи оказались в эпицентре социальных протестов и имели очень глубокие последствия. К сожалению, автор не смог точно обосновать, почему в его работе они так и не нашли достойного освещения.

В частности, трудно себе представить «революцию 68-го» без анализа ситуации, сложившейся в Италии. Исследование происходивших там событий представляется абсолютно необходимым, хотя, по странному произволу, профессор Вайнен их проигнорировал. Тем не менее события, происходившие там, имели очень специфические проявления, без анализа которых трудно давать оценку радикальных протестов, которые описываются в монографии. Именно в Италии проявились уникальные формы противодействия существовавшей тогда системе, выраженные в активном и продолжительном сотрудничестве студентов и профсоюзного рабочего движения. Такого практически не было в протестном движении других стран.

Вообще, масштабы происходивших в Италии событий трудно не заметить. Газетные сводки о захвате студентами университетских зданий в Турине, Милане, Павии, Флоренции, Болонье, Риме, Неаполе напоминали самые настоящие военные сводки. Тогда около 450 тыс. студентов включились в борьбу. Они настаивали на тотальной реорганизации как самого общества, так и конкретных университетов. В этом отношении профессору Р. Вайнену стоило обратить внимание на то, что в рядах итальянской молодежи, с их недовольством недавним фашистским прошлым, была популярна критика «авторитарной личности» Герберта Маркузе. Именно поэтому в Италии не было такого доктринера, как Руди Дучке в ФРГ или такого шоумена, как Даниэль Кон-Бендит во Франции, но волнения и столкновения с полицией тем не менее были нешуточные⁹.

Р. Вайнену непременно следовало обратить внимание на специфику Италии. Эта страна имела ярко выраженные особенности, отличавшие ее от всех других событий «68-го». Только там при отсутствии какой-либо центральной организации, географического центра или харизматического лидера выдвигался очень широкий спектр требований и проводились достаточно действенные акции. Очевидно, реальный анализ итальянских событий необходим для комплексной оценки процессов 1968 г. К тому же сами эти события являлись столь масштабными, что даже

⁸ Вайнен Р. Долгий '68. С. 187.

⁹ Mehnert K. Jugend im Zeitbruch. Woher — Wohin? Darmstadt, 1976. S. 209.

претерпели сразу три фазы своей эволюции¹⁰. В результате отказ от анализа выступлений, происходивших в Италии, серьезно обедняет проделанную Р. Вайненом работу. В принципе, можно согласиться с авторами книги «Antisystemic Movement», которые писали, что «68-й» в ФРГ и во Франции достиг своей кульминации именно в Италии и там же потерпел поражение. Но при этом события 1968 г. очень сильно изменили страну¹¹. Студенческие протесты в Италии сделали число «68» символом всех дальнейших трансформаций. Несмотря на то, что изначально главной мишенью протестов была авторитарная структура управления университетами, впоследствии политическое пространство протестов расширилось, захватывая все новые и новые сферы общественной жизни. В итоге можно со всей уверенностью утверждать, что ни одна страна в Европе не отличалась от прежнего своего состояния после «68-го» в такой значительной степени, как Италия. Только в Италии протестная мобилизация привела к новому социальному явлению — внепарламентской оппозиции¹², поэтому отсутствие четко выраженного мнения профессора Р. Вайнена о характере событий 1968 г. в Италии не может не вызывать удивления. Впрочем, возможно, он оставил эту тему для последующих исследований.

Не меньшее изумление вызывает и то, почему из поля зрения исследователя выпали события, происходившие в Японии. Несмотря на ее географическое положение, эту страну по формам социально-экономической и политической структуры обычно относят к западному миру. При этом студенческие выступления в Японии по масштабам и радикализму порой превосходили то, что можно было видеть в Европе. Максима послевоенного японского молодого поколения была, вероятно, наивно пацифистской, эгоцентрической и, в конечном счете, аполитичной, но ясной — нет войне, нет фашизму. В Японии, в отличие от Европы, вследствие особой позиции Зенгакурэн (Всеяпонской лиги ассоциаций студенческого самоуправления) с осени 1968 г. масштабы действий и агрессивность протестов, их сопровождавших, постоянно росли. В октябре 1969 г. на улицы вышло более полумиллиона человек, а 23 июня 1970 г., когда протесты были направлены против бомбежек Камбоджи, в демонстрациях по всей стране приняло участие три четверти миллиона человек. Правда, к этому моменту волнения в университетах, а также протесты против войны во Вьетнаме начали постепенно утихать¹³. В декабре 1968 г. немецкий историк Клаус Менерт, наблюдая за демонстрацией Зенгакурэн, писал, что студенты напоминают своей организацией и амуницией средневековых ландскнехтов — их защитные шлемы с забралами из плексигласа и дубинки в руках походили на средневековое воинство. Воинственность японских демонстрантов, в самом деле, была необычным для Европы явлением. До середины 1970-х гг. левые студенческие группы несли ощутимые потери — почти 5 тыс. раненых и 44 убитых¹⁴.

Одновременно Р. Вайнен вольно или невольно искажает и преувеличивает степень активности и значимость студенческих протестов в Великобритании. По сравнению с Францией и ФРГ их там попросту не было или они были огра-

¹⁰ Kurz J. Die italienische Studentenbewegung 1966–68 // 1968 — Vom Ereignis zum Mythos. Frankfurt am Main, 2008. S. 87.

¹¹ Ibid. S. 9.

¹² Klimke M., Scharloth J. 1968 in Europe. A History of Protest and Activism, 1956–1977. New York, 2008. P. 83.

¹³ Frei N. 1968 Jugendrevolte und globaler Protest. München, 2008. S. 159.

¹⁴ Ibid. S. 163.

ничены лишь участием в определенных выступлениях представителей немногих художественных колледжей. Ко всему прочему, если в Европе и США студенческие беспорядки нередко были вызваны беспрецедентным ростом численности учащейся молодежи, то в Великобритании не было такой же, как в Европе, активности студентов по той причине, что в момент вступления королевы Елизаветы II на трон в 1953 г. их было столько же, сколько в 1925 г.¹⁵, и к 1968 г. количество студенческой молодежи в Великобритании существенно не выросло.

Накануне Второй мировой войны в Германии, Франции и Британии — трех наиболее развитых странах, где образование находилось на высоком уровне, с общим населением в 150 млн. человек — насчитывалось не более 150 тыс. университетских студентов, что составляло 0,1 % совокупного населения. Через пару десятилетий после 1945 г. число студентов исчислялось миллионами. Прироста не произошло лишь в Великобритании. На континентальном Западе стало обычным явлением, что до 20 % молодых людей и девушек в возрасте от 20 до 24 лет получали систематическое образование. К такому значительному расширению сферы образования система не была готова. Можно считать, что одной из причин бурного 1968 г. были переполненные университеты, кампусы, нехватка учебных аудиторий, преподавателей, персонала, устаревшие учебные планы и архаическая авторитарная организация учебного процесса и аттестаций. Все эти проблемы не касались опять же Великобритании, отсюда и низкая активность студенческих протестов в ней.

В своей монографии Р. Вайнен не учел также и то, что резко бросающейся в глаза особенностью истории послевоенной Европы является разница между экономиками ФРГ и Великобритании. Германия проиграла войну, ее города были тотально разрушены, рабочие либо погибли, либо находились в лагерях для военнопленных, транспортные инфраструктуры уничтожены. Британия же, единственная в Европе, без значительного материального ущерба для себя пережила войну. Но в 1960-х гг. ФРГ переживала невиданный бум, превратившись в процветающее, благоустроенное и богатеещее государство, а Великобритания превратилась в «больного человека Европы». Иными словами, именно вследствие экономического отставания и замедления роста экономики Великобритания и в студенческой революции оказалась в роли аутсайдера. Это, несомненно, следует иметь ввиду, оценивая ситуацию на Британских островах.

Также некоторым упущением представляется то, что в монографии Р. Вайнена не затрагиваются события, происходившие в 1968 г. в странах третьего мира. Дело в том, что с середины 1960-х гг. именно левые поставили в центр своего внимания «борьбу с империализмом» — тему, предсказуемо вписывавшуюся в левую индоктринацию «68-го». Особое место в этой критике занимали США. Уже к концу Второй мировой войны в среде европейских левых стала распространяться идея о том, что США являются центром мировой капиталистической империи. «Новые левые» полагали, что США колонизируют Западную Европу так же, как СССР Восточную Европу¹⁶. К этой старинной теме левых о борьбе против капитализма вскоре добавилось и противодействие империалистическому колониализму Запада.

¹⁵ *Judt T.* Postwar. A History of Europe since 1945. London, 2010. P. 300.

¹⁶ *Готфрид П.* Странная смерть марксизма. Европейские левые в новом тысячелетии. М., 2009. С. 71.

В это время на Западе, по словам Б. Рассела, начало усиливаться представление о «наивысшей добродетели угнетенных»¹⁷. Это представление и способствовало мощному воздействию на молодежь романтики революций (особенно Кубинской революции) в странах третьего мира. Революционеры теперь казались романтическими героями, избавившими свои народы от страданий. К тому же эффект усиливался экзотикой далеких стран, транслируемой телевидением, как раз в этот период получившим широкое распространение.

Особую популярность снискал практик, теоретик и идеолог революции Че Гевара. Он стал одним из символов «68-го», типичной постмодернистской иконой, означающей все или ничего: восстание молодежи против авторитаризма, солидарность с бедными и угнетенными, борьбу за справедливость и святость революционной жертвы. Ж.-П. Сартр отмечал, что «Че не только выдающийся интеллеktуал, но и самый совершенный человек нашего времени», а немецкий бард Вольф Бирман назвал его «Иисусом Христом с трещоткой»¹⁸. Даже высшие представители Ватикана провозглашали, что прославление Че следует воспринимать как восхищение человеком, пошедшим на риск и отдавшим свою жизнь на благо других. Это типичный пример беатификации и коммерциализации. Одна австрийская фирма выпустила в продажу мороженое «Че-решневый Гевара», поскольку «вне всяких сомнений революционная борьба черешен была подавлена, когда они были пойманы между двумя слоями шоколада. Пусть память о них живет в ваших устах»¹⁹. При написании работы, посвященной анализу радикального протеста 1960–1970-х гг., обойти личность Че Гевары крайне сложно, однако, к сожалению, Р. Вайнену это удалось.

Скорее всего, автор осознавал, что молодежь 1968-го была убеждена, что в бедах стран третьего мира виноват Запад, поэтому развивающиеся страны, во-первых, нужно оставить в покое, предоставив полную свободу выбора, а во-вторых, им нужно дать средства для развития экономики. Можно также предположить, что Р. Вайнен хорошо представлял, что и то, и другое обернулось для Африки трагедией. Ожидаемый подъем и торжество демократии в условиях самоопределения вылились в бесконечные военные диктатуры, а деньги, которые давал Запад, попросту разворовывались. Молодые же радикалы в 1968 г. не учитывали фактор культуры, полагая, что простых позитивных решений и готовности все изменить вполне достаточно.

Помимо этих структурных проблем важным фактором, который, к сожалению, не был отмечен в монографии, являлась активность молодежи — волна студенческих и городских волнений в конце 1960-х гг., которая прокатилась и по Латинской Америке. Здесь события проходили под знаменем того же романтического марксизма, что и в Европе. Действительно, крах партизанских революций середины 1960-х заставил молодых радикалов усомниться в успешности кубинской модели партизанского отряда. Теперь партизанская война велась в городах. На смену книге Че «Партизанская война» пришел «Краткий учебник городской герильи» Карлуша Маригеллы (1969 г.). Он был решительным сторонником радикальных действий:

¹⁷ Шлезингер А., мл. Циклы американской истории. М., 1992. С. 230.

¹⁸ Winkler W. Die Geschichte der RAF. Berlin, 2007. S. 99.

¹⁹ Жижек С. Размышления в красном цвете. Коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М., 2011. С. 276.

«...обвинения в жестокости и терроризме больше не имеют того отрицательного значения, которое имели к прошлому. Сегодня быть “жестоким” или “террористом” означает обладать качествами, облагораживающими человека, так как эти качества достойны настоящего революционера, который с оружием в руках борется против позорной бразильской военной диктатуры и ее зверств»²⁰.

О том, что на Западе работы К. Маригеллы хорошо знали, свидетельствует тот факт, что в США, например, городские участники герильи, по мнению Эрика Хобсбаума, зачитывались его книгой 1962 г. о благородных бандитах типа Робин Гуда, мстителях, социальных истоках и причинах бандитизма, трактовавшегося как вызов классовому обществу²¹. По всей видимости, протесты такого рода стремились реализовать и часть «революционеров 1968-го». Однако городской терроризм все же достиг самых серьезных масштабов именно в Латинской Америке, и прежде всего в Уругвае и Аргентине, где левые боролись против репрессивных военных режимов. Более того, некоторые террористы были марксистами (как члены аргентинской троцкистской Народной революционной армии), другие — националистами (аргентинская организация Монтонерос и уругвайские левые радикалы Тупамарос). Поразительно, но в Перу военный режим в 1968 г. принял марксистскую теорию и с готовностью поддержал Перуанскую компартию. Другую удивительную группу марксистов составили римско-католические священники, среди которых был колумбиец Камилло Торрес, полагавший, что христианские принципы во многом совпадают с методами и задачами марксизма-ленинизма. Этих взглядов придерживался в своей политике Фидель Кастро.

Также, несомненно, в молодежном движении Запады большую роль играли последствия освобождения африканских государств от колониальной зависимости. Особое значение при этом имела борьба за независимость против французских колонизаторов в Алжире. Именно эти события, как представляется, во многом сформировали взгляды «революционеров 68-го» о природе и последствиях европейского империализма. На таком фоне, несомненно, особый резонанс вызвала книга революционера и философа Ф. Фанона «Проклятые на земле» («Les damnés de la terre», это словосочетание он позаимствовал из первого куплета коммунистического гимна «Интернационал»). Эта работа принадлежала к тем опусам, которые не очень богаты смыслом. Вот ее основные идеи: во-первых, Европа совершила по отношению к чернокожим немыслимые преступления; во-вторых, Европа умирает; в-третьих, цветное население Земли может освободиться только путем насилия. Фанон писал, что «очищающая сила жестокости сплотит массы воедино в борьбе за национальное освобождение» — борьбе, которая изменит сознание народа²².

Тем не менее книга Фанона произвела впечатление грома среди ясного неба и имела очень серьезное воздействие на студенческую среду, прежде всего во Франции и Германии. Для студентов это было подходящее средство для обоснования радикального противостояния капиталистическому обществу. Нападая на «позор европейского колониализма», Фанон апеллировал к ущербной, по его мнению, совести европейцев и мобилизовывал чувство солидарности с народами колонизированных стран в Африке, Азии, Латинской Америке. В США «Les damnés de la

²⁰ Пристланд Д. Красный флаг. История коммунизма. М., 2011. С. 707.

²¹ Хобсбаум Э. Бандиты. М., 2020.

²² Мазовер М. Власть над миром: История идеи. М., 2016. С. 300.

terge» стала культовой книгой воинственного крыла афроамериканского движения за гражданские права. Интеллектуалам третьего мира книга Фанона предоставила аргументы для критики колониализма, нео- или постколониализма, а также критики культурной гегемонии Запада в формально независимых бывших колониях. Но для позитивной деятельности она не годилась, поскольку абсолютизация борьбы абстрактного добра со злом неизбежно ведет не к свободе, а к новому витку насилия и подавления. Алжир, к независимости которого Фанон имел прямое отношение, — тому пример. Там еще долго царила анархия и связанные с ней беспорядочные убийства и террор.

Косвенным следствием антиколониализма Фанона было то, что он затруднил критическую проработку глубинных причин и следствий колониализма. Чем более однозначно изображались причины отсталости стран третьего мира, тем в большей степени казалось лишним вникать в детали.

Несомненно, когда стало известно о преступлениях французской армии в Алжире, то немецкие студенты уже смотрели на эти ужасы глазами Фанона. То же самое можно сказать о Вьетнаме. То, что студенты узнали об этом, усилило, по словам лидера немецких студентов Руди Дучке, «экзистенциальную тошноту от общества, которое болтает о свободе, подавляя и уничтожая всякую возможность социально-экономической эмансипации зависимых народов»²³. В этой гиперморализаторской констатации суть отношения активистов «68-го» к наследию колониализма.

Последствия такой морализации в вопросе о последствиях колониализма и империализма отозвались позже, особенно в США, где принятые после «68-го» меры против расовой сегрегации в начале XXI в. не привели к реальным результатам в борьбе за преодоление отсталости черного населения.

И еще одна слабо представленная в монографии тема, без которой трудно достигнуть комплексного раскрытия проблемы «долгого 68-го», — это американизация Западной Европы. Совершенно бесспорно, что новые импульсы в развитии молодежной культуры исходили исключительно из США. Магия новизны буквально притягивала молодежь Западного мира. 1950-е гг. в определенном смысле слова были пиком американизации молодежной культуры: американское кино, музыка Бенни Гудмена, Глена Миллера, Луи Армстронга, затем между 1954 и 1958 гг. первая волна рок-музыки, связанная с именами Билла Хэйли и Элвиса Пресли, первыми идолами молодежи (Джеймс Дин, Элвис Пресли). Благодаря этому в глазах молодежи Америку стали связывать со свободой, экстазом, расслабленностью, прорывом к новым берегам. В процессе американизации Европы свою роль сыграло и битническое движение, которое трудно точно определить идеологически, поскольку к нему принадлежали фашист Эзра Паунд, антисемит Луи Фернан Селин, анархист Кеннет Пэтчет. Здесь была важна сама свобода от условностей и обычаев, принятых в «нормальном» обществе.

В этом отношении, конечно, в каждой стране была своя молодежная субкультура с ее идолами и институтами, но в 1968 г. произошел фронтальный прорыв новой международной молодежной поп-культуры в невиданных масштабах²⁴. Истоки этого прорыва — в США. Современная молодежная субкультура родилась впервые именно там (точнее, в Сан-Франциско, где находились корни магистральных моло-

²³ Mehnert K. Jugend im Zeitbruch. Woher — Wohin? Darmstadt, 1976. S. 153.

²⁴ Judt T. Postwar. P. 395.

дежных субкультур 68-го²⁵). Так, именно в Калифорнии движение хиппи впервые появилось, а потом было воспринято в Европе и мире. Европа была зависима от США и в распространении рок-н-ролла.

В целом, как формулировал сам автор, его монография «Долгий '68: Радикальный протест и его враги» — это попытка восстановить мир, который появился в конце 1960-х и почти исчез к началу 1970-х гг.²⁶ В самом деле, все признаки «революции», за исключением левого терроризма 1970-х в ФРГ и Италии в лице RAF (Rote Armee Fraktion или Royal Air Force с намеком на то, что с Германией нужно еще раз проделать то, что сделала Красная армия и британские бомбардировщики во Вторую мировую) и Brigade Rosso («Красные бригады»), довольно быстро испарились. Но люди, которые принимали активное участие в «революции», заразившись духом перемен и потребностью в культивации леволиберальных ценностей, которые ныне доминируют в Западной Европе и США, остались и делали политические или иные карьеры. Взять, к примеру, Билла Клинтона, Герхарда Шрёдера, Тони Блэра, Даниэля Кон-Бендита, Мишеля Рокара и других известных политиков, начинавших в «68-м» как активисты этой культурной революции. Именно в качестве культурной революции, причем огромного масштаба, 1968-й имел интернациональный, практически глобальный характер. Один из лидеров молодежи той поры, Даниэль Кон-Бендит, отмечал, что «Париж, Берлин, Нью Йорк, Беркли, Рим, Прага, Рио, Мехико, Варшава были охвачены революцией, захватившей умы, сердца и мечты людей одного поколения по всему земному шару. 68-й был в настоящем смысле слова интернациональным»²⁷. Расширившиеся международные связи способствовали быстрому распространению различных форм протеста и внешних его проявлений. Начиная с 1960-х гг. джинсы и рок-музыка стали отличительными чертами современной молодежи — меньшинства, которому было предназначено стать большинством. Лирический рок часто даже не переводился с английского, что отражало повсеместную культурную гегемонию США в культуре и стиле жизни. Вместе с тем главные центры молодежной культуры были противниками культурного шовинизма и приветствовали стили, пришедшие с островов Карибского моря, из Латинской Америки, позже — из Африки.

Поразительно, но «68-й» был практически повсеместным — никакое перечисление мест активности в 1968 г. не может быть полным, каким бы длинным оно ни было: Амстердам, Брюссель, Барселона, Мадрид, Милан, Турин, Рим, Афины, Стамбул, Анкара, Белград, Тель-Авив, Вена, Цюрих, Лондон, Стокгольм, Копенгаген, Токио, Мехико, Рио де Жанейро, а также многие города в Германии, Франции, США. Повсеместно общим для «68-го» было то, что возмущение людей было вызвано разными причинами и объединяло их только желание бунта, отчетливая неприязнь к авторитаризму, в какой бы форме он ни проявлялся. Марк Курландски верно отмечал, что в 1968-м Польша, Франция, США отличались друг от друга гораздо сильнее, чем теперь. Произошло самовозгорание мятежного духа по всему миру²⁸. И это самовозгорание во многом способствовало «синхронности» развития устремлений, связанных с 1968 г. Студенты вступали в столкновения с поли-

²⁵ Kraushaar W. 1968 als Mythos, Chiffre und Zäsur. Hamburg, 2000. S. 11.

²⁶ Вайнен Р. Долгий '68. С. 11.

²⁷ Cohn-Bendit D. Wir haben sie so geliebt, die Revolution. Frankfurt am Main, 1987. S. 15.

²⁸ Курландски М. 1968. Год, который потряс мир. М., 2008. С. 8.

цией по всему миру. В странах с тоталитарным прошлым — Германии и Италии — студенты требовали, чтобы старшее поколение ответило за совершенные преступления, о которых, казалось, все забыли. В Южной Европе основную роль в протестах и массовых демонстрациях сыграли рабочие. В Бельгии студенты выступали против господства французского языка во фламандских университетах²⁹. Иными словами, какого-то объединяющего общего начала в этих протестах не было, что и показал в рассматриваемой монографии Ричард Вайнен.

Разумеется, за пятьдесят лет, прошедших с 1968-го (монография была опубликована в 2018 г.), всякого рода реминисценции участников «революции» и сторонних наблюдателей по поводу «68-го» приобрели необозримые масштабы, поэтому учесть их все довольно сложно, если не сказать невозможно. Даже автор рецензируемого фундаментального издания упустил такие важные для интерпретации работы, как исследование итальянской специфики 1968-го Яна Курца³⁰, сравнительный анализ этих событий в США и ФРГ, предпринятый Михаэлем Шмидтке³¹, изучение мифа 1968-го и его загадки Вольфгангом Краусхааром³², чрезвычайно важное социологическое исследование следов «68-го» в современной политической культуре западных стран, выполненное Армином Нассехи³³, обстоятельную монографию Ингрид Гильшер-Холти о социальных структурах протеста в 1968 г.³⁴ и некоторые иные значительные исследования. Отсутствует и лучшее, по мнению Эрика Хобсбаума, социологическое исследование «революции 68-го» Алена Турена³⁵. Хотя в целом объем библиографического списка производит впечатление масштабом проделанной автором работы.

Прилагательное «долгий» в названии монографии указывает на то, что активные участники «революции 68-го» и после ее завершения остались носителями леволиберальных убеждений и в последующей политической карьере следы «революционного» прошлого так или иначе нашли свой отклик — это совершенно бесспорно. Но важно и другое обстоятельство, которое не нашло должного освещения в рецензируемом тексте. Дело в том, что внезапная вспышка студенческих протестов была тесно связана с «новыми левыми», которые, в отличие от прежних левых, веривших в революционный потенциал рабочего класса, отвернулись от прежних компартий, но сохранили веру в своеобразно понимаемый «ленинизм», «троцкизм», «маоизм» и прочие идеологические мифы. Эти «измы» в ассортименте современных политических верований являлись эдаким «крепким напитком» с высоким содержанием идеологии. Дело не только в том, что он делает человека невосприимчивым к данному опыту: в конце концов, все воинствующие учения обращают на факты минимальное внимание. Дело и не в длительности воздействия: коммунистическая вера утрачивается довольно легко, как об этом свидетельствует наличие миллионов бывших коммунистов. Но особую психологическую притяга-

²⁹ Пристланд Д. Красный флаг. С. 699.

³⁰ Kurz J. Die Universität auf der Piazza. Entstehung und Zerfall der Studentenbewegung in Italien 1966–1968. Köln, 2001.

³¹ Schmidtke M. Der Aufbruch der jungen Intelligenz. Die 68-er Jahre in der Bundesrepublik und den USA. Frankfurt am Main, 2003. S. 130.

³² Kraushaar W. 1968 als Mythos, Chiffre und Zäsur. Hamburg, 2000.

³³ Nassehi A. Gab es 1968? Eine Spurensuche. Hamburg, 2018.

³⁴ Gilcher-Holtey I. 1968 — Eine Zeitreise. Frankfurt am Main, 2008.

³⁵ Hobsbawm E. Interesting Times. A Twentieth-Century Life. London, 2009. P. 249.

тельность придает ей видимость соединения науки и морали, которые сочетаются здесь чудесным образом. Воинствующий коммунист верит, что, исполняя предназначения истории, он в то же время сражается против эгоизма капиталистического мира за всеобщее счастье людей. Это позволяет ему убаюкивать собственную совесть и при этом чувствовать себя образцовым гражданином. Таким образом адепты коммунизма получают чувство примирения с самими собой³⁶. И как высказался в этом смысле убежденный антикоммунист Раймон Арон, марксизм был самой притягательной идеей эпохи, своего рода секулярной религией³⁷. К тому же 1960-е гг. были временем открытия заново теоретического наследия Розы Люксембург, Дьёрдя Лукача и Антонио Грамши. Новые левые делали упор на молодом Марксе, его рукописях начала 1840-х гг. При этом в среде новых левых политические теории иногда обсуждались на таком языке, который намеренно был запутанным. Один журналист жаловался, как отмечал в своей монографии Ричард Вайнен, что маоистская Прогрессивная рабочая партия «живет словно Средиземье Толкина, где марксистско-ленинские хоббиты и орки пользуются руническим языком, понятным только им самим»³⁸.

Этот намеренный туман в «эзотерическом» характере знания был важной частью мифа, вокруг которого консолидировались «революционеры». Вайнен на это вполне справедливо указывает, но упускает важный момент в следствиях «революции 68-го». Дело в том, что у противников и соперников «новых левых» — «*puelles droites*» во Франции и неоконсерваторов в США и Великобритании (в ФРГ по причине подчеркнутой политкорректности при обсуждении современных проблем они почти не проявились) — появилась потребность в собственном мифе. В связи с этим может показаться натяжкой искать марксистские корни в неоконсерватизме, но поразительное число авторов «*The Public Interest*» — неоконсервативного журнала Ирвинга Кристол — были близки к троцкизму. Теперь они стали искренней группой поддержки капитализма, оказавшись своего рода разновидностью американских националистов в качестве проводников «универсальных американских ценностей», но они разделяли ряд троцкистских позиций: интернационализм, веру в борьбу, утопическое представление о высокоморальном обществе в «конце истории» и, что особенно важно, романтическую веру в способность идей и морали изменить мир. Троцкистские журналы, которые жадно читал Кристол в 1940-х гг., осуждали сталинизм с романтической точки зрения — за игнорирование роли энтузиазма масс в социализме. Сходным образом неоконсерваторы верили во власть идеологических убеждений. Однако если троцкисты надеялись воодушевить пролетариат идеями коллективизма, то неоконсерваторы пытались пробудить общественное мнение смесью буржуазной морали и патриотизма.

Кристол и его группа, таким образом, были капиталистическим эквивалентом романтических марксистов, призывавших к моральному обновлению и мобилизации против коммунистической угрозы. Моральные и рационалистические обоснования капиталистическая контрреволюция нашла в неолиберализме Милтона Фридмена, бывшего сторонника «нового курса». Со временем Фридмен превратился в решительного противника смешанной экономики, созданной после Второй ми-

³⁶ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 152.

³⁷ Judt T. Postwar. P. 401.

³⁸ Вайнен Р. Долгий '68. С. 20.

ровой войны. Он популяризировал внешне изящную и последовательную теорию экономики невмешательства, предложенную его коллегой Фридрихом Хайеком. Один из студентов последнего вспоминал, что «особенно захватывающими были те же качества неолиберализма, что делали марксизм таким привлекательным для многих молодых людей в то время — простота и вместе с тем видимая логическая завершенность, идеализм, соединенный с радикализмом»³⁹.

Современная неолиберальная революция была осуществлена не националистическими правыми, а космополитическими центристами и левыми. Билл Клинтон, Тони Блэр, Герхард Шрёдер — это дети противоречивых брожений 1960-х гг., и они объявили об открытии «третьего пути», упорно придерживаясь курса между социальной справедливостью и рынком. Однако оказалось, что этот путь значительно отклоняется в сторону рынка. Капитализм свободных рынков располагал новым и более привлекательным авангардом: в нем шли расслабленные, облаченные в джинсы левые 1960-х гг., а не сердитые, строго одетые правые из 1940–1950-х. Эта идеологического свойства связь между «революционной» идеологией с мифами 68-го и современным, не менее идеологизированным неоконсерватизмом представляется важной в понимании диалектики и логики происходящего ныне. Между тем в рассматриваемом тексте они лишь на втором плане.

Мировой кризис «68-го»... Был ли он подобен «кори с высокой температурой несколько дней», а потом бесследно прошедшей и более не возобновлявшейся вследствие полученного иммунитета? Или он более похож на «тяжелую малярию с риском периодических возобновлений»? Или еще хуже — он подобен «множественному склерозу, который оставляет только небольшие периоды облегчения и в конце концов приводит к смерти»⁴⁰ (как предрекал Освальд Шпенглер в «Закате Европы»)? Для ответа на этот вопрос прошло достаточно времени. Вероятней всего — это «малярия», учитывая практически безраздельное господство леволиберального дискурса, постоянно возвращающегося на Западе вновь и вновь. В целом «68-й» был исполнен романтизма или, как формулировал немецкий философ Герман Люббе, представлял собой «политромантический рецидив»⁴¹. Эта политическая романтика выражалась в стремлении демократии советов на всех уровнях, к труду, который бы не был подвержен отчуждению, к жизни и учебе по свободному выбору, к антиавторитарному воспитанию, к миру без насилия и без акцентирования половых различий

Можно относиться со снисхождением и насмешкой к этому наивному идеализму, но при таком подходе упускается, что именно вследствие «68-го» западное общество стало более склонно к рефлексии, а в повседневной культуре более открытым, более адекватным в своих требованиях и претензиях⁴². Следует согласиться с выводом Ричарда Вайнена в заключительной части его монографии о том, что многие личные жертвы и потери в карьере «революционеров 68-го», годы активизма, потерянные для более выгодных занятий, не были бесполезны для жизненных и карьерных перспектив⁴³. Поэтому результаты «революции» 1968 г. следует, скорее,

³⁹ Пристланд Д. Красный флаг. С. 785.

⁴⁰ Mehnert K. Jugend im Zeitbruch. Woher — Wohin? Darmstadt, 1976. S. 446.

⁴¹ Frei N. 1968 Jugendrevolte und globaler Protest. S. 218.

⁴² Ibid.

⁴³ Вайнен Р. Долгий '68. С. 499.

оценивать в смысле моральных изменений, принесенных ею. Сотрудник немецкого журнала «Der Spiegel» Михаэль Юргс в двадцатую годовщину студенческих волнений справедливо отмечал в редакционной статье: «...без 1968 г. все было бы иначе: все еще есть, не только у нас, но и у нас тоже — полицейские, которые бьют, вместо того чтобы просвещать, юристы, штрафующие, вместо того чтобы осуждать, врачи, предписывающие, вместо того чтобы объяснять, родители, бьющие, вместо того чтобы прислушиваться, офицеры, оружие, вместо того чтобы воспитывать, журналисты, которые врут, вместо того чтобы сообщать. Но после 1968 г. это мы, по крайней мере, осознаем»⁴⁴. Кроме того, «революция» 1968 г. дала отрицательный ответ на вопрос, может ли погоня за обеспеченностью, благосостоянием, наживой стать единственным содержанием человеческой жизни. Иными словами, «68-й» не навредил демократии, а напротив, содействовал ее актуализации и расширению. Этому способствовала и новая педагогика, устремлявшаяся к активизации личности, ее демократической мобилизации.

References

- Arnold D. *Zmeinyye dzhungli*. Moscow, AST Publ., 2010, 412 p. (In Russian)
- Baacke D. *Jugend und Jugendkulturen. Darstellung und Deutung*. München, Juventa-Verlag, 1993, 318 S.
- Claire D. *Mesyats revoliutsii. Uroki vseobshchei zabastovki*. St. Petersburg, Moscow, Rabochaia demokratiia Publ., 1993, 103 p. (In Russian)
- Cohn-Bendit D. *Wir haben sie so geliebt, die Revolution*. Frankfurt am Main, Fischer, 1987, 256 S.
- Frei N. 1968 *Jugendrevolte und globaler Protest*. München, Deutscher Taschenbuch, 2008, 298 S.
- Furet F. *Proshloe odnoi illiuzii*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1998, 639 p. (In Russian)
- Gilcher-Holtey I. 1968 — *Eine Zeitreise*. Frankfurt am Main, Verlag Suhrkamp Publ., 2008, 383 p.
- Gotfrid P. *Strannaia smert' marksizma. Evropeyskie levye v novom tysiacheletii*. Moscow, IRISEN Publ., 2009, 247 p. (In Russian)
- Hobsbawm E. *Bandity*. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Press, 2020, 224 p. (In Russian)
- Hobsbawm E. *Interesting Times. A Twentieth-Century Life*. London, Abacus Publ., 2009, 447 p.
- Judt T. *Postwar. A History of Europe since 1945*. London, Vintage Books, 2010, 933 p.
- Klimke M., Scharloth J. *1968 in Europe. A History of Protest and Activism, 1956–1977*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2008, 344 p.
- Kraushaar W. *1968 als Mythos, Chiffre und Zäsur*. Hamburg, Hamburger Edition, 2000, 379 S.
- Kurlanski M. *1968. God, kotoryi potryas mir*. Moscow, AST Publ., 2008, 476 p. (In Russian)
- Kurz J. Die italienische Studentenbewegung 1966–68. *Vom Ereignis zum Mythos*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 2008, 414 S.
- Kurz J. *Die Universität auf der Piazza. Entstehung und Zerfall der Studentenbewegung in Italien 1966–1968*. Köln, SH-Verlag Publ., 2008, 354 S.
- Mazover M. *Vlast' nad mirom: Istoriia idei*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2016, 429 p. (In Russian)
- Mehner K. *Jugend im Zeitbruch. Woher — Wohin?* Darmstadt, Deutscher Verlags-Anstalt Publ., 1976, 511 S.
- Nassehi A. *Gab es 1968? Eine Spurensuche*. Hamburg, Kursbuch, 2018, 232 S.
- Priestland D. *Krasnyi flag. Istoriia kommunizma*. Moscow, Eksmo Publ., 2011, 973 p. (In Russian)
- Schlesinger A. Jr. *Tsikly amerikanskoi istorii*. Moscow, Progress Publ., 1992, 687 p. (In Russian)
- Schmidtk M. *Der Aufbruch der jungen Intelligenz. Die 68-er Jahre in der Bundesrepublik und den USA*. Frankfurt am Main, Campus Verlag, 2003, 318 S.
- Scholl-Latour P. *Mein Leben*. München, Taschenbuch, 2015, 444 S.
- Waynen R. *Dolgiy '68: Radikal'nyi protest i ego vragi*. Moscow, Alpina non-fikshen Publ., 2020, 627 p. (In Russian)

⁴⁴ Der Spiegel. 1988. Nr. 18. S. 1.

- Winkler H. A. *Geschichte des Westens. Vom Kalten Krieg zum Mauerfall*. München, C. H. Beck Publ., 2014, 1258 S.
- Winkler W. *Die Geschichte der RAF*. Berlin, Rowohlt Publ., 2007, 527 S.
- Žižek S. *Razmyshleniia v krasnom tsvete. Kommunisticheskii vzgliad na krizis i soputstvuyushchie predmety*. Moscow, Yevropa Publ., 2011, 473 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2021 г.

Рекомендована в печать 25 мая 2021 г.

Received: February 6, 2021

Accepted: May 25, 2021